

ПЁТР БОЛЬШАКОВ
ПОЛЕ

Пётр Большаков

Поле

<https://litres.ru/74458827>

SelfPub; 2026

Аннотация

Есть книги, которые рассказывают. Есть книги, которые спрашивают. А есть те, что возвращают читателя к себе.

Эта — из третьих.

Это не роман и не повесть в обычном смысле. Это философская притча о том, что происходит, когда человек перестаёт строить стены. Внутри себя. Между собой и теми, кого любит. Между собой и собой.

Здесь есть клиническая смерть. Прошлые жизни. Поле сознания, в котором растворяется «я». Но на самом деле это текст о том, как мы носим в себе стену из «нет» — страхам, вине, непросщению — и как она держится только на нашей согласии её носить. А когда приходит простое «да» — не чему-то, а просто согласие быть — стена становится ненужной.

Здесь нет ответов. Здесь есть тишина, в которой ответы перестают быть нужны.

Это короткая, плотная, медитативная книга. Она читается за вечер. Но возвращается — годами.

Для тех, кто чувствует: внутри что-то есть. Большое. Не моё. Но я — его часть.

Смысл жизни. Осознанность. Жизнь после смерти.

Пётр Большаков

Поле

ПОЛЕ

Автор Пётр Большаков

АКТ 1. ЖИЗНЬ ДО

Глава 1. Утро

Он проснулся в пять утра, как всегда.

Свет ещё не включился за окном. Город спал. Где-то внизу, через двадцать этажей бетона и стекла, редкие машины резали мокрый асфальт. Дождь обещали, но дождь так и не пришёл.

Он лежал, смотрел в потолок. Белый. Ровный. Такой же, как вчера. Как год назад. Как десять лет назад.

Телефон на тумбочке мигнул. Сообщение от сына: «Пап, я сегодня занят. Давай перенесём». Он смотрел на экран, пока тот не погас. Не ответил. Уже привык.

Он встал. Умылся. Одел то, что висело на стуле — серые брюки, рубашка, пиджак. Всё серое. Всё подходящее.

На кухне выпил кофе. Один. Чёрный. Горький. Жена — бывшая жена — говорила, что так пить нельзя. «Сердце посадишь». Он тогда не слушал. И сейчас не слушал бы, но её не было. Только тишина и кофе.

На столе лежали чертежи. Последний проект. Торговый центр на окраине. Очередной стеклянный куб, в котором люди будут покупать вещи, которые им не нужны. Он смотрел на линии, на пропорции, на то, как свет падает на фасад. Всё правильно. Всё точно. Всё — не его.

Он думал о том доме, который хотел построить когда-то. Дом для себя. Не для заказчика, не для инвестора. Просто дом. С окнами на восток, чтобы солнце будило по утрам. С верандой. С деревом, которое он посадил бы сам.

Потом он подумал: «Глупости. В моём возрасте — дома, деревья...»

Он взял чертежи, сложил в папку. Вышел.

Лифт спускался медленно. На восьмом этаже зашла соседка с собакой. Маленькой, белой, нервной. Собака тявкнула. Женщина сказала: «Тихо, Зефир». Он подумал: «Зефир». Смешно.

На первом этаже он пропустил их вперёд. Женщина улыбнулась. Он не улыбнулся в ответ. Не потому что злой. Просто разучился.

На улице было серо. Не холодно, не тепло. Так, середина. Как вся его жизнь.

Он сел в машину. Завёл. Поехал.

Глава 2. Сын

Вечером, перед тем как лечь спать, он вспомнил, что сегодня должен был приехать сын.

Не приехал. Перенёс. Как всегда.

Он сел на диван, взял телефон. Открыл переписку. Последнее сообщение было от сына: «Давай на следующей неделе». Предпоследнее: «Пап, извини, не получится». То, что до него: «Я занят».

Он листал. Месяц. Два. Полгода. Всё одно и то же. «Занят», «перенесём», «давай потом».

Он закрыл переписку. Не написал. Не позвонил.

Вспомнил, как сын в двенадцать лет принёс из школы поделку. Кораблик. Кривой, некрасивый, с парусом из картона. «Папа, смотри!» Он посмотрел. Сказал: «Молодец». И ушёл к чертежам. А надо было сказать что-то ещё. Надо было взять кораблик в руки, рассмотреть, улыбнуться. Надо было сказать: «Давай вместе сделаем новый, получше». Или просто: «Я люблю тебя».

Он не умел. Он всегда не умел.

Потом сын вырос. Перестал приносить поделки. Перестал звонить первым. Перестал ждать.

Он сидел на диване, смотрел на телефон. Внутри было пусто. Не боль. Не тоска. Просто — пусто. Как в квартире, где

не живут, а только ночуют.

Он подумал: «Ещё успею».

Потом лёг спать.

Глава 3. Стройка

Стройка встретила его шумом.

Бетономешалки, сварка, крики. Пахло металлом, пылью и чем-то ещё — тем, что он любил с детства. Запах стройки. Запах того, что создаётся.

Он прошёл через проходную. Миновал бытовки. Поднялся на третий уровень, где шла опалубка.

— Алексей Сергеич! — крикнул прораб. Молодой, в каске, с планшетом. — Там по углам проблема. Заливка неравномерная.

Он кивнул. Достал чертежи. Пошёл к углам.

Он не заметил, как оказался в той точке.

Угловая секция. Опалубка стояла неровно. Он наклонился, чтобы проверить уровень. Рядом работал молодой парень — лет двадцать, в грязной робе, без каски. Каска висела сзади на ремне, болталась при каждом движении.

— Каску надень, — сказал он.

— Ща, — парень махнул рукой. — Тут же тихо.

Он хотел сказать ещё что-то. Про технику безопасности. Про то, что правила пишут кровью. Но язык не повернулся. Сам когда-то таким был. С каской на ремне.

— Слушай, — начал он.

А потом земля качнулась.

Не по-настоящему. Не земля. Опалубка. Огромный щит, который стоял на временных подпорках, вдруг дрогнул. Металл заскрипел. Где-то вверху кто-то закричал.

Он увидел всё сразу. Как в замедленной съёмке, которую показывают в фильмах. Но это было не кино.

Подпорка под правым углом дала трещину. Щит накренился. Парень стоял прямо под ним и смотрел вверх, не понимая, что происходит.

— Стоять! — крикнул он.

Парень дёрнулся. Не туда. В сторону падения.

Он не думал. Не успел.

Он шагнул вперёд. Схватил парня за робу. Рванул на себя.

Металл заскрежетал громче. Потом — удар. В спину. В позвоночник. Всё.

Он упал. Лицом в бетонную пыль. Рот, нос, глаза — всё забилося серым, горьким. Он не чувствовал боли. Только тяжесть. Огромную, невозможную тяжесть, которая легла на него и не думала уходить.

Рядом кто-то кричал. Много голосов. Потом один, близко:

— Мужик! Мужик! Ты как?

Парень. Живой. Стоит на четвереньках, трясётся, смотрит

на него.

— Каску, — прохрипел он. — Надень... каску.

Парень заплакал. Или уже плакал. Он не понял. В ушах гудело.

Он попытался повернуть голову. Увидел небо. Серое. Низкое. Дождь так и не пришёл.

И вдруг — одна мысль. Чистая, острая, как стекло:

«Я не сказал ему. Ничего не сказал. За все эти годы...»

Он хотел позвать сына. Позвать по имени. Но имя вылетело. И всё вылетело. Только серое небо и бетонная пыль во рту.

И ещё — кораблик. Кривой, некрасивый. Который он не взял в руки.

Он подумал: «Глупо. Так глупо».

Потом перестал думать.

АКТ 2. ПОЛЕ

Глава 4. Расширение

Сначала — ничего.

Не тьма. Не свет. Не боль. Не покой.

Просто — не было. Не было ничего. Даже самого «ничего» не было, потому что «ничего» — это когда что-то было и перестало. А здесь не было даже этого сравнения.

Потом — точка.

Не в пространстве. В нём. Где-то там, где только что билось сердце. Маленькая, горячая, пульсирующая. Она росла. Не увеличивалась в размерах — расширялась. Как если бы у вселенной был пульс и этот пульс вдруг стал его.

Он почувствовал.

Не «я почувствовал». Не было «я». Было — чувство. Чистое, без носителя. Как цвет без предмета. Как звук без

источника.

Точка расширялась. И вместе с ней расширялось что-то ещё. То, что он раньше называл «собой». Оно не исчезало — оно становилось больше. Намного больше. Вмещало в себя то, что не могло вместить раньше.

Глава 5. Жизнь строителя

Камень. Тяжёлый, шершавый, холодный. Он лежал на ладони. Не на его ладони — на чьей-то. Но эта ладонь была его. Кожа на ней была как кора — в трещинах, с засохшей известкой, которая въелась так, что не отмывалась даже после дождя.

Он стоял у подножия стены. Огромной. Выше, чем видел глаз. Камни укладывались ряд за рядом. Руки болели. Спина ныла. Где-то наверху кричал мужчина с хриплым голосом — его звали Элиас, и он ругался на том языке, которого строитель не знал, но понимал каждое слово. Воздух пах мокрой известью и потом.

Он пил воду из глиняного кувшина — тёплую, с привкусом глины. И шёл дальше.

— Выше! — кричали сверху. — Ещё выше!

Он поднимал камень. Клал на раствор. Разравнивал. Следующий. Следующий. Следующий.

Он не знал, зачем эта стена. Знал только: она нужна. Без неё — тьма. Без неё — враги. Без неё — конец.

Дни шли. Годы. Стена росла. Он старел. Руки уже не слушались. Спина гнулась. Но он всё клал камни.

— Сегодня закончим, — сказал кто-то рядом.

Он поднял голову. Стена уходила в небо. Красивая. Ровная. Нерушимая.

А потом земля дрогнула.

Крик. Грохот. Камни посыпались сверху. Кто-то кричал на чужом языке. Он не понял слов, но понял смысл: «Не успели!»

Он упал. Камни накрыли его. Тяжесть. Тьма.

И последняя мысль, которая не была его мыслью, но стала его: «Стена простоит. Я не доживу, но она простоит».

Глава 6. Жизнь воина

Грязь. Холод. Дождь.

Он лежал в воде и смотрел в небо. Небо было низким, серым, как в его последний день. Но это был не его день. Это был чей-то другой.

Воздух пах мокрой шерстью, ржавчиной и чем-то сладким — кровью. Где-то рядом остывал металл — тихий, почти неслышимый звук, как вздох. Он знал этот звук. Он слышал его уже несколько раз в жизни.

К нему кто-то полз. Молодой, с перевязанной рукой. Что-то кричал. Его звали Томаш. Он был из той деревни, где пахло яблоками. Он говорил, что после войны вернётся и посадит сад.

Он попытался встать. Не получилось. Ног не было. Вернее, они были, но он их не чувствовал. Там, где должны быть ноги, была пустота. Тёплая, липкая пустота, которая растекалась по земле.

Он попытался пошевелить пальцами. Ничего.

Он попытался хотя бы представить, что шевелит пальцами. И не смог. Потому что там, где были ноги, теперь было что-то другое. Что-то, что не имело пальцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.